

ХІХ ВЕК: ДАЛЬНИЕ РОДСТВЕННИКИ

Кучельтура. — 2005. —

Наш "дядя Петя" 24-30 нояб. —

с. 14

Приватная жизнь П. И. Чайковского

Если о Льве Толстом энтузиасты сумели собрать целую книгу воспоминаний и легенд, бытовавших в народе, то о Чайковском, к сожалению, такой книги нет.

Тем не менее совсем еще недавно были живы люди, для которых, к примеру, П. И. Чайковский был просто "дядя Петя".

Вот подтверждение: письма 60-х годов к родным в СССР от "пани" Запольской Киры Николаевны, родственницы композитора, из Варшавы. Письма как письма, с бытовыми подробностями: кто заболел, кто выздоровел, что купили, где отдыхали, и — о погоде, как полагается. И вдруг: "Хочу тебя поблагодарить за присланные "Воспоминания" о дяде Пете — очень интересные... Но неужели ты не знаешь, что произведения дяди очень, очень всюду здесь в Польше любят..." "Дочь Ануля теперь усердно изучает русский язык, и, кроме того, ее очень заинтересовали письма дяди Пети, и она опять села около меня и громко их читала, о которых дядя пишет!" "Сейчас сижу и слушаю концерт, передачу по радио... Не знаю, ошибаюсь ли я, но концерт Брамса напоминает местами дяди-Петину музыку. Как раз слушаю его. А Артур Рубинштейн великолепный пианист!"

Конечно, можно было бы подумать, что эти письма из XIX века. Рубинштейн, Брамс... Да и орфография — с "ятями", "и" с точкой и пр. Но читаешь дальше, и все становится на свои места: "Дочь Дуся только что звонила, она в сегодняшней газете прочла о том, что русское войско вошло в Чехословакию! Все экскурсии отменены!! Боюсь, что это повлечет за собой всеевропейскую войну!" И дата: 22 августа 1968 года.

Эту историю с большим юмором рассказывал сам Петр Ильич своему брату Модесту, а тот потом пересказал ее другим, и осталась она среди семейных преданий.

Дело было в Петербурге. Вышел композитор как-то утром из дома, чтобы идти в консерваторию на репетицию. И вспомнил, что забыл положить кусочек ваты в ухо, которое что-то побаливало — застудил, наверное. Ну что ж, это дело поправимое. Увидел он ближайшую аптеку и направился в нее...

...Итак, зайдя в аптеку, Чайковский спросил, нельзя ли купить ему немного ваты. "Сколько изволите?" — спросил услужливо аптекарь. Петр Ильич не ожидал такого вопроса: "Ну, я думаю, — замаялся он, — фунт... или два". Аптекарь вынес ровно два фунта — 800 граммов — огромный пакет. Конечно, чтобы не обидеть аптекаря, Чайковский не стал возражать, и с этой ношей вышел на Невский. Взял извозчика, решив "забыть" потом, как бы невзначай, сверток в задке экипажа. Вскоре остановились, и Чайковский, быстро рассчитавшись, пошел прочь. Но не сделал и двух шагов, как извозчик его окликнул: "Барин, а вещички-то забыли". Пришлось

П. И. Чайковский и его племянник В. Л. Давыдов

забрать тюк и двинуться с ним во двор дома. Во дворе, оглядевшись, он решил незаметно оставить его в укромном углу. Но тут вдруг увидел, что за ним внимательно наблюдает дворник. Подумал: "Надо уходить". Идет он по Невскому, соображая: что же делать дальше с ненавистной покупкой? Как назло, стали попадаться знакомые, надо было раскланиваться, перекладывая поклажу из руки в руку. Однако скоро репетиция. И он снова берет извозчика и колесит по улицам, выискивая удобное место, чтобы избавиться от этой проклятой ваты. Но вот Петр Ильич видит, что уже и извозчик начинает коситься на него, думая, не замышляет ли чего его клиент. Едут в консерваторию. Там этот тюк принимает на сохранение швейцар. После репетиции композитор надеется незаметно проскользнуть мимо швейцара, но это не удается, и тот, любезно кланяясь, подает ему при выходе его нелепый сверток.

Племянник Чайковского Ю. Л. Давыдов тоже знал немало устных историй о своем дяде. До наших дней дошла одна из них.

Плыл однажды Петр Ильич на пароходе по Волге на Кавказ. Оказалась среди пассажиров какая-то очень развязная дама, которая представлялась всем артисткой опе-

ры и очень важничала, рассказывая направо и налево о своих успехах. Наступил вечер, и в салоне первого класса, у старенького пианино, все стали умолять ее что-нибудь спеть. Она долго ломалась — мол, не в голосе да что врачи велели поберечь связки и пр. Наконец согласилась, если найдется аккомпаниатор. Петр Ильич скромно предложил свою помощь: "Если я, конечно, смогу..." Дама смерила смельчака презрительным взглядом: "Вы? Ну что ж, попробуйте, но, господа, сами понимаете... я не отвечаю", — и она выразительно взглянула в сторону Чайковского. Все шло гладко и совсем неплохо, пока не дошли до романсов Чайковского. В одном из них певица сделала какую-то ошибку, и Петр Ильич не удержался и робко ее поправил. Дама вспыхнула: "Да что это вы мне указываете? Да мне сам Чайковский в Москве аккомпанировал этот романс, а вы тут со своими замечаниями..." Петр Ильич покраснел и больше не вмешивался. Закончили романс, композитор извинился и быстренько ушел в свою каюту: очень он не хотел, чтобы раскрылось его имя. А ночью на какой-то пристани он незаметно сошел и стал ждать другого парохода.

Подобных смешных случаев рассказывалось в свое время немало.

Самое интересное, что многое присочинял о себе и сам Чайковский, чтобы посмеить своих близких. Это он умел делать блестяще. Как блестяще изображал тапера, играя "под танцы" в семейном кругу, или, уже будучи солидным господином с седой бородкой, изображал порхающую на пуантах балерину — рассказывали, что было очень смешно.

Но одно дело — семейные предания, другое — байки, которые преподносятся как научные открытия. Особенно усердствуют в этом почему-то русские за границей.

Летом 1967 года в одной русской газете, выходящей в Нью-Йорке, некий господин С., считающийся искусствоведом, вдруг публикует статью о Чайковском, где повторяет те же домыслы, что и обыватели Петербурга осени 1893 года. "Влюбился в одного юношу... это привело скандал в придворном аристократическом мире. Робкий Петр Ильич так расстроился, что в припадке ужаса принял яд". А дальше совсем уж идут "завихрения" — умирающего навещал Александр III, подбадривал, а после кончины композитора якобы сказал лечащему доктору: "Итак, он умер от холеры, так и напишите..." Логика мало волнует автора этой "клюквы". Спрашивается — как бы император незаметно проникнул в квартиру, где умирал Чайковский, если все три дня болезни Петра Ильича у дома дежурили толпа и репортеры? Вообще, Чайковскому не повезло — в царское время приходилось тщательно скрывать свои "отклонения", потому что это наказывалось да и осуждалось. После кончины на его фамилии нагревали руки недобросовестные лжебиографы-разоблачители, потом появлялись разоблачители разоблачителей и т.д.

Не везло Петру Ильичу и при воплощении на экране или на сцене. С персонажом по фамилии Чайковский происходили совсем уж запредельные вещи.

В 1950 году, например, немецкий фильм о Чайковском с Зарой Леандер должен был убедить зрителей, что он стал великим и успешным композитором лишь благодаря опеке и помощи немецкой семьи... Журнал "Экспресс" в феврале 1971 года с серьезной миной пишет о фильме англичанина Рассела "Патетическая симфония", где Чайковский (Ричард Чамберлен), "одержимый собственными демонами, во власти мук гомосексуализма и импотенции", женится на уличной девке и та, "прежде чем сойти с ума, пробует все ноу-хау, чтоб возбудить в муже сексуальный жар, но терпит фиаско"! Наши тоже не отстают: 6 лет назад в Москве шла пьеса "Ядина" — об истории отношений Чайковского с Антониной Милюковой. Действие происходит в сумасшедшем доме. Наверное, это очень смешно, а может, и драматично, но при чем здесь наш Петр Ильич, бедный "дядя Петя"?